

Е.М. Сергеев**Взгляд сквозь годы. Воспоминания****(Продолжение¹)****Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —**

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

**Глава 16
Бои за Донбасс**

Морозным вечером 1 января 1943 года, как раз в тот день, когда наш Сталинградский фронт был переименован в Южный, мы прибыли в Котельниково. Помещение, в которых нам предстояло расположиться, еще занимал штаб 2-й гвардейской армии, и довольно долго пришлось прождать в темноте, на морозе, пока все утряслось и мы смогли войти в теплое помещение и обогреться.

2 января я получил задание, которое очень пришлось по душе: меня включили в группу командиров, отправлявшихся на вспомогательный пункт управления (ВПУ). Для приближения работников штаба фронта к наступающим войскам сюда от каждого отдела штаба фронта выделили представителя, который должен был поддерживать связь с войсками на переднем крае, получать от них необходимые сведения и передавать в штаб фронта.

В тот же день мы приехали в село Ильинское, расположенное в нескольких километрах восточнее железнодорожной станции Дубовское. Наши войска в это время были уже значительно южнее — на рубеже реки Маньч — и вели бои за Зимовники. Им противостояла главным образом мотодивизия войск СС «Викинг». Во время наступления Манштейна немцы берегли эту дивизию, и она оказалась значительно менее потрепанной, чем другие, сохранила свою боеспособность.

Враг так поспешно отступал, что не успел разрушить многие населенные пункты. Уцелело и Ильинское. Из

письма жене от 4 января: «Поселок, в котором мы остановились, словно бы затерявшийся в необъятных степных просторах, от войны мало пострадал: противник захватил его неожиданно, а драпал отсюда поспешно. Пять месяцев хозяйничали здесь оккупанты, пять месяцев грабили жителей, отбирали птицу, скот, различные вещи, и, несмотря на это, с нашим приходом все преобразилось: на кроватях снова появились подушки и кружевные подзоры, на окнах — занавески, в некоторых дворах — куры, утки, гуси, овцы, которых во время оккупации крестьяне тщательно прятали в погребах, ометах сена — словом, где только могли. Хозяйки ухаживают за нами, как за своими детьми».

Последнее относилось и к хозяйке домика, который отвели для меня. Пожилая на вид женщина, оказавшаяся на самом деле моложе, чем выглядела, встретила меня очень приветливо; несмотря на мои отговорки, усадила за стол, поставила на него большую кринку с молоком:

— Вы уж не обессудьте, мало чем могу угостить. Корову-то не забрали, велели им, иродам, молоко поставлять, а остальное у меня фашисты проклятые начисто разграбили. И слова поперек им не скажи — запросто могли пристрелить, особенно такую, как я. Ведь люди-то знают, что мой муж и сын в Красной Армии. Где они сейчас, живы ли?

— А кто же больше грабил: немцы или румыны?

— Да, почитай, одинаково. Немцы-то, те нахальной, все среди дня забирали. Пристрелят курочку или овечку, смеются и уносят. А румыны потихоньку старались. Услышишь, выйдешь, зашумишь на них, убегают. На

¹ Начало — в № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1, 2 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

немцев шуметь нельзя было — пристрелить могли. Слава богу, вы нас вызволили из неволи.

И перекрестилась. Поймала мой любопытный взгляд и продолжала:

— Небось безбожник. А я в Бога верую. Да и не я одна. Почитай, вся деревня. Мы себе и попа из Белоруссии привезли. Из самой аж Западной Белоруссии. Молельню устроили. За вас же и молились. Господь-то и услышал наши молитвы. Ах ты, господи. Всем-то хороша наша советская власть, а вот что молиться не разрешает, это плохо.

— А кто же не разрешает? За это время, пока вы были в оккупации, много всяких новостей в стране произошло. Верующие по призыву патриарха собирают деньги на танковую колонну имени Александра Невского. Большую уже сумму передали государству. Во всех газетах было напечатано. Я думаю, что попа вашего не тронут, если он с немцами не был связан, и молиться не запретят.

— Слава тебе, господи, — сказала хозяйка с большим чувством. Схватила свое пальтишко, накрылась платком и убежала.

Минут через 10–15 приходит женщина, повязанная платком так же, как и моя хозяйка. Села на лавку. За ней другая. Потом третья. Не прошло и получаса, как комната наполнилась чинно сидящими женщинами. Все в пальто, платках. Сидят и молчат. Скоро и моя хозяйка явилась, да не одна — с попом. Поп производил солидное впечатление — с бородой, в рясе, еще не старый.

— Вот мои прихожане радостную весть принесли. На вас ссылаются. Верно ли?

Я повторил то, что рассказывал хозяйке о сборе средств на танки. Закончил свою речь вопросом:

— А где вы церковь себе устроили?

— В школе.

— Вот что я вам точно могу сказать: школа будет школой, и оттуда вам придется уйти.

— Да разве мы этого не понимаем? Домов много брошенных, выберем подходящий, освятим и там будем молиться.

Тут все стали обсуждать, какой дом для этого лучше подходит. Пришлось мне немного охладить расшумевшихся женщин.

— Советую вам этот вопрос решать в первую очередь с представителями советской власти.

— А где они, эти представители?

— Через несколько дней обязательно будут.

Запомнился еще один случай, происшедший в Ильинском, но уже другого характера.

3 января утром меня разбудила хозяйка:

— Немца в плен взяли!

— Где?

— Да у нас же, в Ильинском.

— Кто взял?

— Бабы. А красноармейцы помогли. Сюда доставили.

— Хорошо, сейчас встану. Пусть его сюда ведут.

Входят два красноармейца. Между ними идет немец. Унтер-офицер. В добротной шинели, но без сапог и шапки. Голова обмотана теплым шарфом, ноги — мешковиной. Сильно перепуган. Он никого не понимает, его никто не понимает. Напрягая свою память, я начинаю говорить с ним по-немецки. Пленный обрадовался, заговорил быстро. Приходится его останавливать и все время напоминать: говорить надо медленно, простыми словами — я плохо знаю немецкий язык. Фриц пугается, старается изо всех сил, чтобы я его понял. Часто спрашивает: «Verstehen Sie?» В конце концов я все понял.

Из рассказа немца и его солдатской книжки следовало, что перед нами шеф-повар офицерской столовой зенитного артиллерийского дивизиона. В ночь под Новый год наши танки вышли к расположению дивизиона и стали крушить все, что им попадалось на пути; поднялась паника. Он бросился бежать, не надев даже шапки. Сапоги скользили и жали ноги. Сгоряча сбросил их, рассчитывая на толстые носки. Потом стал замерзать. Никого в степи нет. Ночь. Было очень страшно. Попалась разбитая машина. В ней бумаги, упакованные в мешки. Это было счастье. Можно было мешки надеть на ноги. Шел всю ночь и весь день. Опять ночь и день. К вечеру увидел деревню. Дождь темноты. Пробрался во двор. Залез в стог сена и заснул. Утром его вытащили женщины. Он не стал сопротивляться. Поднял руки и сказал: «Гитлер капут!»

Стало ясно, что «повар» никаких интересных показаний о противнике дать не может. Но до обеда у меня было свободное время, и я решил расспросить его в отношении организации и вооружения зенитного артиллерийского дивизиона. Это он должен был знать хорошо. «Повара» обыскали. Оружия при нем не оказалось. Все бумаги, главным образом фотокарточки, передали мне. Накормили.

Очень быстро он сообразил, что я от него хочу, и всеми силами старался, чтобы я понял структуру дивизиона. Наверное, считал, что от этого зависит его жизнь.

После нескольких часов передо мной лежала схема дивизиона и объяснительная записка к ней, которые были позднее отосланы в РО.

В то время я ненавидел немцев. Горе и смерть, которые они нам принесли, встречались ежедневно. Сидевший против меня здоровый небритый верзила в добротной немецкой шинели и с мешковиной на ногах никакого чувства жалости вызвать не мог. Но мне вдруг захотелось узнать, что он за человек, кем был до войны, есть ли у него семья и т.д. Сначала я внимательно посмотрел все фотографии. Чаще всего была сфотографирована молодая, довольно красивая женщина с девочкой 7–8 лет. Иногда на фото был и сам «повар» в штатском костюме. Только на одной фотографии он был уже в военной форме. Были и групповые снимки: в центре обычно сидели старик и старуха. Ясно было, что все это семейные фотографии.

Работа на ВПУ ничем существенно не отличалась от той, которую я вел до этого. Только здесь больше ощущалось дыхание фронта, и это заставляло действовать оперативнее.

Через несколько дней на ВПУ приехал командующий фронтом генерал А.И. Еременко. Не зная, понадобится ли я ему лично, подготовил на всякий случай обстоятельный доклад. И не зря! Прибегает посыльный:

— Товарищ капитан, к командующему фронтом!

Пошел за ним. Домик чуть побольше моего, но хозяева выселены или их вообще не было. В прихожей встретил адъютант, видимо знавший уже о цели моего прихода, ибо сразу же предложил пройти в соседнюю комнату. Вошел. Первое, что бросилось в глаза, — какой-то нежилой вид помещения, да и к работе не очень располагающий. Что-то хозяйственники здесь не проявили должного старания.

В комнате было прохладно. Генерал Еременко сидел в накинутой на плечи бурке на деревянной кровати у придвинутого к ней стола.

Я вытянулся, представился.

Еременко был плотный, я бы даже сказал грузный, человек. И вдруг раздался не соответствующий фигуре высокий голос:

— Доложите обстановку у противника.

Достал карту, разложил ее перед ним на столе и стал докладывать, стараясь быть по возможности лаконичным, но и не пропустить чего-нибудь существенного. Кажется, все изложил четко, ничего не перепутал. А командующий слушал и молчал. Выслушав же до конца, поднялся из-за стола, надел папаху, запахнул бурку и вышел из комнаты.

Остался один. Стою и не знаю, что мне обо всем этом думать и что делать. Минут через пять Еременко вернулся, сел на место, достал из принесенной им кожаной полевой сумки карту, положил ее на стол, сказал:

— Ну вот, а сейчас докладывайте все с самого начала и не торопитесь — я буду уточнять обстановку по своей карте.

Теперь, когда мы спокойно и деловито работали вместе, постепенно ушло понятное чувство некоторой напряженности, которое я испытывал во время своего первого в жизни доклада командующему фронтом.

Уходил я от командующего в приподнятом настроении, довольный тем, что на все вопросы сумел ответить без запинки. И сразу же стал свидетелем и участником интересного для меня события.

Погода с утра стояла пасмурная, сыпал снежок. Но к полудню она разгулялась, тучи ушли на юг, и над Ильинским заголубело чистое небо, засияло солнце. И тут из ушедших к горизонту туч буквально выплыли три немецких транспортных самолета Ю-52.

Рядом с Ильинским располагался полевой аэродром, где базировался полк наших истребителей. Несколько самолетов находилось в это время в воздухе, а через пару минут после появления «юнкерсов» взлетели еще несколько «ястребков». Наши истребители дружно атаковали фашистских транспортников, явно пытавшихся прорваться к окруженной под Сталинградом вражеской группировке. Все три «юнкерса» чуть ли не одновременно задымили и пошли на снижение. Из них на моих глазах выпрыгнули с парашютами ни много ни мало — ровно десять человек.

Тут же бросился в распоряжение комендантской роты и поспел как раз вовремя — там готовилась к выезду команда, выделенная для задержания приземлившихся вражеских авиаторов. Я успел занять место в кабине первой автомашины.

Шофер погнал машину напрямую по заснеженной степи. Хоть снег был неглубоким, но он прикрыл ямы, рытвины, так что нас бросало из стороны в сторону. Когда до замеченной нами группы из четырех вражеских авиаторов, успевших уже сбросить парашюты и собраться, осталось метров пятьдесят, я приказал водителю остановить машину, а выпрыгнувшим из кузова автоматчикам скомандовал:

— Без моего приказа не стрелять! Всех взять живыми, каждого на месте обыскать и обезоружить.

Честно говоря, особой уверенности в том, что обойдется без кровопролития, у меня не было — ведь противник наверняка имел оружие, кто-то из них мог оказаться фанатиком, готовым продать свою жизнь подороже. На снегу при ярком солнце трудно было спрятаться в темных комбинезонах. Некоторые пытались бежать. Однако, видя наше численное превосходство и понимая бессмыслен-

ность сопротивления, никто из членов экипажей сбитых «юнкерсов» не пытался защищаться, не открыл огня. Вся десятка, до последнего, подняла руки; четверо были подобраны бойцами с нашей машины, остальные — с двух других.

Понятно, что для штаба фронта такой богатый улов, да еще буквально свалившийся с неба чуть ли не на голову, представлял известный интерес. И в самом деле, захваченные в плен вражеские авиаторы дали немаловажные показания.

Через несколько дней я выехал на новый ВПУ в Мартыновку. Со мной в качестве помощника поехал лейтенант Игорь Никитин — переводчик с румынского языка. В то время против нас не стояли румынские войска, и он был свободен, а прикрепление его ко мне оказалось весьма полезным. Целый день приходилось собирать сведения о действиях войск противника, часов в 12 ночи садиться писать разведдонесение, а затем идти на узел связи, чтобы передавать это донесение в штаб фронта.

В результате только около 4–5 часов ночи можно было лечь спать. Игорь меня избавил от заключительной части моего «рабочего дня». С утра я работал, а Никитин помогал мне, после чего он ложился отдыхать. После подготовки донесения я будил Игоря, и он отправлялся на узел связи, а ложился спать я. Таким образом, я дополнительно получил для отдыха 2–3 часа, о чем до этого мог только мечтать.

Хозяйка нашего дома, еще молодая и очень приветливая женщина, сердилась, когда я посылал Игоря ночью на узел связи. Хорошо помню, как она, сделав строгое лицо, говорила, мешая русские и украинские слова:

— Такой старый, вже сывый, и такого молоденького посылае. Куды иды? Ничь темна, сам мог бы сходить. Ему бы спаты та спаты.

Мы оба только посмеивались над этими словами. Мне было тогда 28 лет, но война уже заметно посеребрила голову, потому по сравнению с Игорем я и был «старый».

Но за напускной строгостью женщины скрывались доброта и гостеприимство. Как-то Игорь неважно почувствовал себя, ночью на узел связи пришлось пойти мне. Возвратился через два часа. В хату войти оказалось невозможно: везде вповалку спали уставшие красноармейцы. Хозяйка сказала:

— Вы уж извиняйте, пока вы ходили, я солдатиков переночевать пустила. Подумала, може кто и моего хозяина вот так же пожалеет.

Любимым блюдом хозяйки были вареники. «Мы ведь хохлы», — говорила она. Я как-то заметил:

— Нехорошо вы говорите — хохлы, принято — украинцы.

— Э, нет, те, что на Украине живут, те украинцы, а мы — хохлы.

Понятно, что, хотя подобного рода эпизоды и запомнились как какие-то штрихи многообразной фронтовой жизни, но, конечно, не они составляли главное, чем жили тогда советский народ и воины его вооруженных сил. Их внимание было приковано к развернувшемуся 10 декабря 1942 года наступлению армий Донского фронта, направленному на ликвидацию окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск. Не буду рассказывать о наших эмоциях, связанных с каждым успехом войск соседнего фронта, возглавлявшегося прославленным военачальником — генералом К.К. Рокоссовским. В те дни я написал родителям: «Думаю, что вы одновременно со мной услы-

шали по радио радостное сообщение: с фашистами под Сталинградом покончено, они потерпели здесь сокрушительный разгром. Красная Армия вписала еще одну блестящую страницу в историю Отечественной войны. Горжусь тем, что и мне довелось участвовать в этой великой битве, испытать ни с чем не сравнимую радость крупной победы, к которой мы так долго и так трудно шли. Не сомневаюсь, что всем вам понятны мои чувства...»

Не понять этих чувств было просто нельзя — их разделяли не только все советские патриоты, но и миллионы людей за рубежом. Свежи, не меркнут эти чувства и сейчас.

Тем временем ВПУ переместился в Большую Орловку, и едва я успел там расположиться, как меня снова вызвал генерал А.И. Еременко. На этот раз он сам нанес на мою карту местоположение полевого аэродрома, на котором базировался наш истребительный авиаполк, приказал немедленно выехать туда и передать его приказание: разведать участки железных и шоссейных дорог южнее Багайска, а также железнодорожный узел в Ростове-на-Дону.

Выйдя от командующего, я получил, как обычно, полуторку и вскоре выехал на в общем-то непростые в темноте поиски аэродрома, который находился довольно далеко от ВПУ. Во всяком случае, тронувшись в путь вечером, мы ехали всю ночь и только утром прибыли на место.

Дежурный, тщательно проверив мои документы, сказал, что сейчас командир полка около КП ставит пилотам боевую задачу, и если у меня приказ командующего фронтом, то надо спешить, пока самолеты не взлетели.

Полуторка помчалась прямо по полю к стоянке самолетов, и очень своевременно, ибо к ним уже торопились летчики. От имени командующего фронтом я попросил их вернуться к командному пункту и сам поехал туда же. Выслушав меня, командир полка спросил:

— А у Вас есть письменное приказание?

— Нет, я получил устный приказ, за точность передачи которого отвечаю. Да и сами подумайте, мог ли я сказать командующему фронтом: «Вас понял, но дайте мне письменный приказ». Вот смотрите, на моей карте пометки, сделанные им лично. К тому же, пока я буду ждать здесь результатов вылета, Вы успеете, если захотите, навести любые необходимые Вам справки.

Словом, убедил я полковника. Он отдал приказ: двумя самолетами разведать дороги, двумя — железнодорожный узел Ростов. Пилоты быстро подготовили карты, и две пары истребителей поднялись в воздух для выполнения задания командующего фронтом.

Мы сидели в блиндаже полковника, разговаривали о разном, но каждый из присутствовавших наверняка думал: «Ну, как там они?»

Наконец полковник сказал:

— Подходит время возвращаться машинам, пойдёмте посмотрим на посадку.

Действительно, скоро два истребителя благополучно приземлились. Ведущий, капитан, очень толково доложил о результатах разведки дорог, по которым в направлении на Ростов сплошным потоком двигались автомашины, повозки, колонны пехоты, артиллерия. Наши истребители прошли над колонной на бреющем полете, все это хорошо видели и обстреляли.

В свою очередь, подверглись ружейно-пулеметному обстрелу с земли, но повреждений не получили. В воздухе самолетов противника не видели.

Так вот почему генерала Еременко интересовали эти дороги: похоже, что к Ростову отходили войска северокавказской группировки противника.

Между тем вторая пара, ушедшая на Ростов, все еще не появлялась. Полковник стал заметно нервничать, то и дело поглядывать на часы. Потом сказал:

— Все! У них больше нет горючего.

И тут же из-за холма на бреющем выскочил самолет и с ходу приземлился на летное поле. Через несколько минут летчик автомашиной был доставлен на КП. Это был лейтенант, ведомый из второй пары.

Лейтенант рассказал, что при подлете к Ростову их пара попала под массированный зенитный огонь. Чтобы не сорвать выполнение задания, отвернули в сторону и попытались выйти на цель с запада. Но и здесь город прикрывали зенитные батареи. В почти безоблачную погоду вражеские зенитчики стреляли довольно метко, снаряды рвались вблизи от воздушных разведчиков. Пришлось вновь уходить, маневрируя по высоте, скорости и курсу. И в это время со стороны солнца нашу пару атаковала семерка «мессеров». Вступили с ней в неравный воздушный бой, а поскольку горючего оставалось мало, стали постепенно оттягиваться поближе к линии фронта. Пытаясь оторваться от противника, вошли в облако, но при выходе из него самолет ведущего попал под огонь «мессершмитта», задымил, провалился вниз и был ведомым потерян из виду. Самому же лейтенанту удалось переворотом через крыло снизиться до бреющего полета и на последних каплях бензина дотянуть до своего аэродрома.

Поблагодарив командира полка и летчиков, я стал с ними прощаться с тяжелым чувством. Полковник попросил меня доложить командующему, что аэродромы нашей истребительной авиации находятся далеко от линии фронта и это затрудняет сопровождение своих самолетов, а также прикрытие с воздуха войск. Необходимо ускорить перебазирование истребителей ближе к передовой.

Обратно, по уже знакомой дороге, да еще и засветло, мы доехали значительно быстрее. Генерал Еременко был на месте, и я получил возможность сразу же доложить ему о результатах разведки.

К сообщению о том, что железнодорожный узел в Ростове разведать не удалось, он отнесся неожиданно спокойно, но зато остро отреагировал на сообщение о движении противника по дорогам на Ростов.

— Это же их северокавказская группировка отходит. Очень ценные сведения. Но почему их не бомбят? Я спрашиваю, почему их не бомбят? — повторил он, повышая голос, словно бы забыв, что перед ним стоит капитан, не имеющий полномочий для решения таких вопросов. Однако, поскольку при этом в комнате больше никого не было и генерал смотрел на меня, я сказал:

— Товарищ командующий, позвольте от Вашего имени передать генералу Хрюкину приказ бомбить отходящую вражескую группировку.

— Да, да, передайте! Что у Вас еще?

— Командир истребительного авиационного полка просил доложить Вам, товарищ командующий, что их аэродромы находятся далеко от переднего края, а это затрудняет выполнение боевых заданий.

А.И. Еременко придвинул к себе мою карту, приложил к ней линейку:

— Верно, далековато. Сообщите Хрюкину и об этом. Действуйте!

Далеко идти не пришлось — аппараты находились в соседней комнате. По одному из них я передал приказание командующему 8-й воздушной армией.

В первых числах февраля в Большой Орловке обосновался штаб Южного фронта. Настроение у всех было радостное, приподнятое — ведь только что победоносно завершилась Сталинградская битва. Совинформбюро еще сообщало о колоссальных потерях врага, массе пленных, богатых трофеях, а уже успешно развивалось наступление войск нашего фронта, имевшее ближайшей целью разгром ростовской группировки противника. 3 февраля войска 51-й и 28-й армий вышли на рубеж в 25 километрах восточнее Батайска. Близился день освобождения от оккупантов Ростова-на-Дону.

Из письма жене от 6 февраля: «Расстояние между нами все увеличивается, и это сразу же чувствуется: письма стали идти дольше. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы твои письма дошли до Берлина? Чем черт не шутит, может быть, если останусь жив, удастся добывать фашистов в их логове. Помнишь мои прощальные слова: “Пиши: Берлин, до востребования”. И вот теперь окрепла уверенность, что адрес я назвал точный, что все так и будет. А подтверждением этому служит гул моторов проходящих рядом наших танков».

Вскоре я был направлен в группу офицеров штаба фронта, находившуюся в станице Кагальницкая и ожидавшую освобождения нашими войсками Ростова-на-Дону. У каждого было конкретное задание.

В Кагальницкой я пробыл несколько дней. Остановился в доме, хозяин которого, седоусый старик, встретил меня с каким-то особым достоинством. Помимо него и жены в доме еще проживали их дочери, невестки, внуки. Когда я впервые вошел в горницу, то сразу же бросился в глаза висевший на стене фотопортрет, настолько изрешеченный пулями, что невозможно было рассмотреть черты лица. А вот ниже, на груди, виднелись расположенные в два ряда Георгиевские кресты, медали.

На вопросы о том, чей это портрет и что с ним случилось, старик ответил:

— А это меня эсэсовцы расстреливали.

Я, естественно, заинтересовался, попросил рассказать подробнее. Хозяин охотно согласился. Рассказал же он вот что.

— Дело было так. В Кагальницкой размещались подразделения дивизии СС «Викинг». Староста привел к нам на постой четырех немецких солдат. Невестки и дочери попрятались. Фрицы были озорные, всех насиловали. Один из них довольно чисто мог объясняться на русском языке. Он и командовал в доме. Хозяйку совсем загонял: «Приготовь то, убери это, постирай, унеси, принеси...» А может, он и русский был. Все бахвалился: «Ни в жизнь ваши краснопузые нас с позиций не сбьют бы, если бы нам начальство не давало приказ об отходе. Мы только приказ выполняем. Пробыли фашисты в станице недолго, но след черный оставили: грабили, насиловали, издевались над местным населением. Вот и у нас тоже. В сенях стояли две бочки, одна с капустой квашеной, а другая — с огурцами солеными. Отложили себе в ведра и, верите, стали в бочки опрариваться и по малому и по большому делу. И гогочут. А этот говорит: “Придется вам капусту и огурцы с приправой кушать, без приправы не получится”. Молчим, конечно. Что делать? Мы-то уж со старухой свое отжили, а детишек жалко».

Когда наши войска уже вели бой на подступах к Кагальницкой, фашисты замечались, начали поспешно собирать свое барахло, прихватывая и все, что не успели спрятать станичники. При любой возможности вымещали на мирных жителях и свою злобу. Перед самым уходом «постояльцы» порядком напились. Тот, что говорил по-русски, посмотрел на портрет и спросил:

— Ты — казак? Это твой портрет?

Хозяин ответил, что да, он донской казак и портрет его сделан в 1916 году, когда стал он полным георгиевским кавалером. «Сколько раз старуха мне говорила и в гражданку, и когда коллективизация была, и когда германец к нам подходил: “Сними портрет!” А я не хотел. Нехай висит, он мне о моих делах напоминает, о моей военной службе. Мне сейчас под семьдесят, а ведь я такой же, как и вы, молодой был в первую империалистическую. Я эти кресты и медали кровью завоевал. Отдал я их, в фонд революции пожертвовал. А портрет нехай висит, чтобы деды и внуки видели, какой дед их был».

Пьяный фашист за этот портрет и уцепился, заорал, что старик — враг великой Германии, раз имеет столько наград, а за фюрера не воюет. «Почему же ты у красной сволочи остался? Сейчас мы тебя расстреляем!» — сказал он, прошептал что-то по-немецки трем другим. Те загоготали: «Гут, гут!» Схватили старика, поставили под портретом и взяли автоматы. Отошли к противоположной стене, прицелились в старого казака, а потом по команде полоснули очередями чуть выше, по портрету. И так три раза.

А потом гитлеровец сказал:

— Ну, счастье твое, дед, что штаны не замочил. Мы так договорились: выдержишь испытание — живи, наделаешь в штаны от страха — расстреляем. Живи пока, но помни: вернемся обратно — еще поговорим по душам. СС ни черта, ни бога не боится.

С этими словами дали фашисты очередь по иконам и ушли...

— Вот как меня эсэсовцы расстреливали, — закончил хозяин.

Я невольно выругался.

— А вы, товарищ капитан, поймите в виду: почему-то немец невзлюбил нашу Кагальницкую.

— Это как же?

— А так, каждую ночь около 12 часов, надо думать, один и тот же бомбардировщик прилетает. Отбомбится — и до следующей ночи. То такую бомбу сбросит, что аж сразу пруд образуется, а то мелочью засыпает. Людей столько погибло! Фронт далеко ушел, а мы все воюем.

Войска нашего фронта продолжали успешно наступать. Особенно запомнился день 14 февраля, когда были освобождены от оккупантов Ворошиловград, Краснодар, Красный Сулин, а к исходу дня — и Ростов-на-Дону. Мое сидение в Кагальницкой закончилось, можно было приступить к выполнению задания.

Несколько дней спустя я писал родителям: «За последнее время насмотрелся на бесчинства фашистов, творившиеся ими на временно оккупированной территории, на то, какие страшные следы оставляют гитлеровцы при своем бегстве на запад. Сколько взорвано ими прекрасных зданий в городах, разграблено, разбито, сожжено станиц, расстреляно мирных жителей и военнопленных, убито в бессильной злобе скота, сожжено книг... Трудно перечислить даже малую часть их злодеяний, определить меру возмездия. Но оно теперь уже неотвратимо».

То, о чем я написал, в значительной мере навеяно было моим кратковременным пребыванием в Ростове-на-Дону.

Весь центр города лежал в руинах, подвергся планомерному разрушению. Страшное зрелище представляли стены — коробки, зиявшие пустыми глазницами оконных проемов, груды битого кирпича, валявшееся повсюду искореженное кровельное железо. Это уже были следы не войны, а разнузданного вандализма. Думалось, сколько же понадобится времени, сил и средств, чтобы возродить к жизни наши города, села, предприятия! Только вера в созидательную мощь нашего народа позволяла надеяться на то, что все это поднимется из руин.

18 февраля, когда войска Южного фронта с выходом на реку Миус завершили наступательную операцию на ростовском направлении, я прибыл на новый ВПУ.

Штаб фронта расположился на одной из окраин Новошахтинска, а вспомогательный пункт управления — в 60 километрах юго-западнее, в поселке Совет. Вот как я его описал в письме жене: «Здесь голо. Кругом, насколько видит глаз, — черноземные степи. А деревушка такая с виду неприветливая — без садов, одни небольшие домики».

Чтобы не огорчать родных, промолчал еще об одном обстоятельстве, портившем в какой-то мере настроение: почему-то здесь на ВПУ резко ухудшилось питание. Кроме овсяной каши на воде нам ничего не давали. Даже в День Красной Армии, 23 февраля, мы получили ту же овсянку, которая уже и в горло не лезла. Добиться же толкового ответа на вопрос, почему это происходит, нам никак не удавалось.

24 февраля на ВПУ приехал новый командующий войсками фронта генерал Р.Я. Малиновский. Уныло сидели мы за завтраком в неудобной столовой, размазывая ненавистную кашу по тарелкам, когда дверь хаты отворилась и вошел генерал. Кто-то из старших по званию подал команду «Встать!». Все вскочили. Родион Яковлевич поздоровался, разрешил сесть, спросил, что здесь находится. Узнав, что столовая офицерского состава ВПУ, заинтересовался, как нас кормят. Мы дружно ответили, что кормят плохо, а майор, представитель оперативного отдела, совсем расхрабрился и брякнул:

— Ржать скоро будем, товарищ командующий.

— Это почему же ржать? серьезно спросил у него генерал.

— Овсом закармлили, товарищ командующий. Вот и вчера, в праздник, жевали овсянку и даже чарку за наши успехи поднять не смогли. Что же это за День Красной Армии без тоста за победу?

— Да, — согласился генерал Малиновский. — Как кормят, сам вижу. Разберусь.

И ушел. Мы в окно видели, что командующий заходил еще в несколько домиков, в некоторых ненадолго задерживался — видимо, вникал в работу различных служб вспомогательного пункта управления.

Выезжая на ВПУ, я в то же время оставался «направленцем». В период нашего пребывания в Совете наступление войск фронта приостановилось — сказались потери в боях, да и враг прочно засел на своих мощных оборонительных рубежах за рекой Миус. Далее его оборона располагалась тогда по реке Самбек до Азовского моря. Мне было выделено самое южное направление — от Матвеева Кургана до Азовского моря. В этой полосе действовали 57-я, 51-я и 44-я армии.

В марте на нашем фронте было сравнительное затишье. Мы понимали, что ожесточенные сражения

должны развернуться весной и летом. Но подготовка к битвам начинается задолго до их начала. Мы накапливали силы, накапливал силы и противник. Разведка сил и расположения противника не прекращалась у нас и во время затишья.

По замерзшему морю мы посылали нашу разведку в обход Таганрога с задачей установить, как охраняется побережье западнее Таганрога. Одетые в белые масккостюмы, разведчики вышли на берег в нескольких километрах западнее Таганрога. Берег не был заминирован. Но огневые точки и рядом с ними блиндажи были построены. Разведчики ворвались в один из таких блиндажей. В нем оказались «власовцы». Оказалось, что немецких войск западнее Таганрога нет. Это были ценные сведения.

23 марта 1943 года мне исполнилось 29 лет. Случайно в этот день мне присвоили звание майора. Начальник отдела вечером зачитал мне приказ и сказал: «Поздравляю, товарищ майор!»

Появились погоны. Это было так необычно! Когда одна из дивизий, наступавшая на Ростов, вошла в город уже в погонах, то некоторые жители решили: белогвардейцы приехали помогать Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками. В тылу все гонялись за фронтовыми погонами, а на фронте (первое время после того, как они появились) у нас, у молодежи, считалось особым шиком носить золотые погоны. Начальство это не поощряло, но первое время и не запрещало. У меня сохранилась именно такая фотография, с золотыми погонами.

В конце марта я был включен в состав комиссии, которая должна была проверить состояние боевой подготовки 44-й армии. Возглавлял эту группу подполковник Карапетян, мой бывший командир полка. Нашей группе было приказано проверить состояние боевой подготовки дивизии, занимавшей оборону на левом фланге армии на север от устья реки Самбек, впадающей в Азовское море восточнее Таганрога.

По своему национальному составу дивизия состояла в основном из азербайджанцев. Первое же знакомство с организацией разведки в дивизии убедило меня в том, что она находится на достаточно высоком уровне. Противник хорошо разведывался, на картах были четко нанесены оборонительные сооружения на его переднем крае. Вместе с Н.О.-2 мы провели двое суток на переднем крае. Когда я впервые пошел по окопам полного профиля (пошел, не сгибаясь, потому что их глубина позволяла так ходить), когда увидел солдат, несших службу наблюдения, когда находившиеся в окопах вскакивали и приветствовали меня, козыряя, я с радостью подумал: мы научились воевать, тяжелые два года не прошли даром — вот она, армия, о которой мечталось в начале войны.

Больше чем полдня мы провели на НП дивизии. Противоположный берег реки Самбек, занятый немцами, хорошо просматривался. Он казался безлюдным. Н.О.-2 усмехнулся:

— Наши снайперы порядок навели.

Были мы свидетелями и работы снайперов. Хорошо просматривалась дорога, соединявшая два населенных пункта. В одном месте она проходила близко от переднего края обороны немцев. По ней на большой скорости, пригнувшись к рулю, ехал немецкий мотоциклист. Неожиданно он, взмахнув руками, рухнул назад. Пустой мотоцикл пролетел еще несколько метров и упал в кювет.

— Видели? Вот это работа! По всему видно — готов, — заметил Н.О.-2.

После возвращения из командировки утром 4 апреля меня вызвал к себе начальник разведотдела. Я шел к нему и старался угадать цель вызова.

Полковник Белокуров встретил меня улыбкой и протянул листок бумаги:

— Читайте.

Прочитал и глазам не поверил:

«Командировочное предписание. Майор Сергеев Е.М. командирован по спецзаданию на ст. Кувандык Чкаловской области сроком на 10 дней, с ... по ... 1943 года. Просьба ко всем организациям оказывать содействие майору Сергееву.

Нач. штаба Южного фронта
генерал-майор Варенников».

Надо сказать, что официально я ни к кому не обращался с просьбой о предоставлении мне отпуска для встречи с родными, но в разговорах такую мечту высказывал. Несколько раз я неофициально обращался с просьбой к полковнику Белокурову дать мне возможность слетать к жене с дочерью, находившимся в эвакуации в Чкаловской области. Он отговаривался, что добираться туда сложно. Тогда я стал просить разрешения слетать в Москву к родителям. На это Белокуров соглашался более охотно. Но каждый раз под каким-либо предлогом поездка откладывалась. И вдруг мне вручают заветный документ! Перечитал его еще раз:

— Спасибо, товарищ полковник. Но здесь не указаны даты отъезда и возвращения. Когда я могу отправляться?

— А это от Вас зависит. Командованию фронта не совсем ясна обстановка на самбекском выступе (территория между реками Самбек и Миус. — Е.С.), расположенном в курируемой Вами полосе. Авиаразведка день за днем сообщает о движении в этом районе к линии фронта танков небольшими группами по 3–5 штук. Сразу возникает вопрос: почему они движутся в светлое время, а не ночью? Допустим, противник рассчитывает, что небольшие группы танков не привлекут к себе внимания. А вот куда же они деваются, эти танки, где концентрируются? Может быть, их так тщательно маскируют, что авиаразведка не может обнаружить? Однако не исключено, что ночью эти танки возвращаются обратно, а на следующий день все повторяется сначала. Гоняют их взад-вперед, создавая видимость, что с самбекского выступа готовится наступление. Словом, надо брать «языка». Поскольку дивизионная разведка медлит с решением этой важнейшей задачи, а здесь знают, что ранее, в 199-й стрелковой дивизии, Вы выполняли по совместительству обязанности начальника разведотделения, решили послать Вас для помощи в организации захвата «языка». Доставьте его в штаб фронта и поезжайте к семье.

В тот же день я прибыл в дивизию, занимавшую рубеж в междуречье Самбека и Миуса, и сразу же приступил к изучению обстановки применительно к полученному заданию. Капитан — начальник разведки соединения, детально ознакомив меня с характером оборонительных сооружений противника на этом участке, доложил, что добыть «языка» в таких условиях практически невозможно, в чем он не раз уже убеждался лично. Действительно, обстановка была сложной. Перед своим передним краем гитлеровцы возвели сплошные заграждения из колючей проволоки в четыре ряда, установили большое количество противопехотных, противотанковых мин. По ночам над передним краем непрерывно взлетали осветительные ракеты, то и дело раздавались пулеметные очереди, а на

нейтральной полосе не было и клочка не прострелившегося фашистами пространства.

Я поинтересовался организацией предыдущих неудавшихся попыток добыть «языка». Выяснилось, что все они строились в расчете на захват пленного из числа солдат, патрулировавших в траншеях, соединявших опорные пункты. Обычно разведчики вместе с саперами пытались осуществить захват пленного ночью, в предрассветные часы, но и при этом только несли напрасные потери.

— А вы не пробовали атаковать один из опорных пунктов? — спросил я капитана.

— Что вы! — удивился он. — Фашисты их создавали очень долго. Оборудовали так, что не подступишься. Только людей ни за что положим.

— И все же, — возразил я, — этот вариант надо детально проработать. Ведь гитлеровцы уже привыкли к нападению на патрули в траншею — все время настороже, ожидают опасности именно там. А в опорных пунктах они чувствуют себя спокойнее, особенно вечером. Вот из этого будем исходить при планировании действий.

Целый день пробыл я на передовой, осматривал линию обороны немцев, разговаривал с бойцами и командирами, побывал на огневых позициях пушечной и минометной батарей и, наконец, в разведроту, где особенно подробно расспрашивал ее командира, командиров взводов, а также красноармейцев о том, как они ходили в разведку, что видели, какие у них есть предложения.

А когда стемнело, я вместе с начальником разведки и комбатом, на участке которого предполагалось организовать поиск, добрался до боевого охранения, скрытно расположившегося примерно у середины ничейной полосы. Посидели там, намечая пути дальнейшего продвижения, и вернулись в расположение своих войск. Чуть позже, когда решение окончательно созрело, я передал в штаб фронта телеграмму, в которой изложил план действий. Помимо поддержки артиллерийским и минометным огнем я просил с 22.00 до полуночи 5 апреля бомбить с помощью У-2 оборону врага в 1—2 километрах от ее переднего края без применения осветительных средств. Такое использование авиации я считал крайне важным. Бомбардировка позиций в тактической глубине обороны противника должна была отвлечь внимание гитлеровцев от событий, происходивших на нейтральной полосе, и резко снизить интенсивность ее освещения.

Вскоре пришел ответ, что предложенный план утвержден.

Утром в нескольких километрах от переднего края я собрал разведроту и группу выделенных саперов. Обозначили на местности передний край обороны противника и провели репетицию по заранее составленному плану. А заключался он в следующем.

Перед позициями нашего батальона находились три вражеских опорных пункта, расположенных примерно в 300 метрах один от другого. В каждом из них — до взвода солдат. Блиндажи соединялись глубокими ходами сообщения с дзотами, где были установлены не только пулеметы, но и малокалиберные орудия. Опорные пункты соединялись уже упоминавшейся глубокой траншеей, из которой патрули вели круглосуточное наблюдение за нашим передним краем.

В качестве объекта нападения я избрал средний опорный пункт, на котором передний край вражеской обороны как бы переламывался, вследствие чего оказать ему огневую поддержку могли только ближайшие его соседи.

Разведрота была разделена на четыре группы: первой группе — захвата, состоявшей из десяти человек, предстояло пройти через проход, проделанный саперами в минном поле и в колочей проволоке, забросать гранатами опорный пункт, ворваться в ближайший блиндаж, захватить одного или двух пленных и тут же отходить обратно. Вторая группа — прикрытия, возглавлявшаяся заместителем командира разведывательной роты, должна была, находясь около прохода в заграждении, помочь группе захвата оторваться от противника и доставить пленных в наше расположение. Две последние — отвлекающие группы, расположившись перед соседними с атакуемым опорными пунктами, призваны были своим огнем отвлечь внимание противника от отходящих после завершения вылазки разведчиков. И наконец, артиллерийская и минометная батареи имели задачу подавить огневые точки всех трех опорных пунктов.

С выходом саперов и разведчиков на задание начальник разведки дивизии, командир разведроты, командиры батарей и я должны были находиться в расположении боевого охранения батальона, примерно в 200 метрах от противника. Поиск предполагалось начать в 22 часа, в момент прохода над нами самолетов У-2, при появлении которых гитлеровцы, как правило, прекращали пуск осветительных ракет, чтобы не демаскировать своего расположения.

Вначале все шло строго по задуманному. В 22 часа над заданным районом появились девушки «королевской авиации» — У-2. Работали они превосходно: едва успевал отбомбиться один самолет, как уже слышался шум мотора другого. Получился своего рода непрерывный конвейер. Как мы и рассчитывали, гитлеровцы затаились, радуясь, очевидно, тому, что русские самолеты наносят удар не по важным объектам и не по переднему краю.

Мимо нас проползли саперы, за ними — разведчики. По всем расчетам, не позже чем в 23 часа на вражеском опорном пункте начнут рваться гранаты. Минуло расчетное время, а впереди — тишина, только отдаленный гул рвавшихся авиабомб. Связной, посланный для выяснения причин задержки, доложил, что разведчики залегли, а саперов он не нашел вообще. Поскольку ничего путного он больше сказать не мог, пришлось направить туда командира разведроты.

— Только быстро, — напутствовал я его. — В нашем распоряжении лишь двадцать минут: в полночь авиаторы прекращают бомбежку.

Через 15 минут грязный, запыхавшийся комроты докладывал:

— Разведчики лежат, потому что саперы куда-то делись. Не лезть же им на минное поле и на проволоку.

Что оставалось делать? Приказал дать сигнал отхода. Взвились ракеты, и мы оставили свою позицию.

На этом вылазка 5 апреля и закончилась. Я поехал в штаб армии и оттуда связался с Белокуровым. Пришлось доложить о неудаче и просить опять выделить ночные бомбардировщики для аналогичных действий. Но уже с 22 часов 6-го до 3 часов 7 апреля.

В 10 часов я собрал всех участников неудавшейся операции. Выяснилось, что главными виновниками оказались саперы, сбившиеся в темноте с намеченного пути. Чтобы избежать повторного провала, провели еще более основательную репетицию. Проверили заодно и эффективность задуманного мною технического оснащения двух главных групп. К поясу одного из саперов привязали

телефонный провод, катушка которого должна была остаться в боевом охранении. В группу прикрытия, возглавлявшуюся теперь командиром разведроты, включили бойца с полевым телефоном, подсоединенным к линии, и обязали его держаться рядом с командиром. Если саперы останутся, катушка перестанет вращаться, мы подключим к линии свой аппарат и командир разведроты, прикрывшись плащ-палаткой, коротко сообщит о причинах задержки. При тренировке связь сработала безотказно, а провод стал для группы прикрытия «путеводной нитью», придерживаясь которой бойцы точно выходили к подготовленным саперами проходам.

Снова мы в расположении боевого охранения батальона. На этот раз в окопе тесно, так как командиры батарей прибыли сюда с радистами, да еще к ним присоединился представитель штаба 51-й армии. Кое-как все же разместились, но, главное, возросла опасность подшуметь, демаскировать ненароком себя и разведчиков.

Вот уже 22 часа, а мы отсиживаемся на местах: самолеты задерживаются, враг регулярно пускает осветительные ракеты. Наконец в 22 часа 10 минут в небе раздалось характерное тарыхтение мотора. Погасли надоевшие «свечки». Я дал команду приступить к работе.

Катушка со шнуром то неторопливо, то рывками разматывается. Значит, саперы и разведчики ползут вперед. Останавливаются. Подключаем аппарат. Спрашиваю: «Ну как?» И отчетливо слышу: «Режут». Еще через полчаса ответ тот же: «Режут». Нервы напряжены до предела, но ничего изменить нельзя — надо терпеливо ждать. Поспешность, неаккуратность в действиях саперов могут сорвать выполнение задания.

В 23 часа 45 минут в районе опорного пункта противника словно бы полыхнули зарницы, и тут же донеслись хлопки рвавшихся гранат, автоматные и пулеметные очереди. Теперь трескотня доносилась и с флангов — это вступили в перестрелку бойцы отвлекающих групп. Тут же, видимо, стало не до маскировки, и гитлеровцы начали пускать осветительные ракеты. Спустя минуту загремели пулеметы опорного пункта, атакованного нашими разведчиками. Значит, их там уже нет — можно открывать артиллерийский и минометный огонь. Командиры батарей дали по радио команды. Всего в 200–250 метрах перед нами начали рваться мины и снаряды. Враг огрызнулся — завязались артиллерийская и минометная дуэли. По расчету времени наши группы захвата и прикрытия должны были быть уже в относительной безопасности. Поэтому дали ракетами сигнал общего отхода и сами перебежками отступили к переднему краю обороны батальона. Над головой летели снаряды, пули. С облегчением перевел дух, спрыгнув в глубокую траншею.

Прошло еще 10–15 минут. И до сих пор не знаю, как уж там пилоты-ночники сумели разобраться в сложившейся на земле ситуации, но они перестали бомбить второстепенные объекты и принялись обрабатывать дзоты и огневые позиции на вражеской передовой. Не исключаю, что такой вариант их командованием предусматривался — ведь план наших действий был доложен в штаб фронта. Как бы то ни было, но подобное «вмешательство» в наши дела оказалось предельно полезным — огонь со стороны противника сразу ослабел, поскольку экипажи У-2 не только изнуляли врага ночными налетами, но и славились еще как мастера «точечного» бомбометания.

В темноте одна за другой появились две группы. Бойцы первой, возглавлявшейся командиром разведроты,

спрыгнули в траншею, бережно спустили на плащ-палатке тело убитого разведчика. Вторая же привела столь желанного «языка» — низкорослого шуплого ефрейтора с кляпом во рту. Теперь эта мера предосторожности стала излишней. Разрешив вытащить кляп, я в сопровождении разведчиков повел пленного в штаб полка.

Еще по дороге узнал, как разворачивались события. А было так. Разведчики проползли по проходу в проволочных заграждениях и вскоре увидели светлую щель. Поняли: здесь дверь. Толкнули и бросили гранаты. Трое из находившихся в блиндаже фашистов были наповал убиты, а ефрейтора даже не поцарапало. Увидев наших бойцов, он поднял руки. Ему сунули кляп в рот и повели. Тут всполошившиеся фашисты повыскакивали из блиндажей, открыли огонь из всех видов стрелкового оружия. Тогда и погиб один из разведчиков.

В землянке штаба полка провели первый допрос. Полистав солдатские книжки — одну, изъятую у пленного, а другую, прихваченную разведчиками в блиндаже, — я увидел, что обе они принадлежали солдатам из батальона аэродромного обслуживания. Это уже показательно: на направлении предполагаемого наступления нестроевиков на передовую не ставят. Я рассчитывал, что попавший в плен ефрейтор со страху сразу будет отвечать на все вопросы. Но тот начал нести такую чепуху, что ни одного слова нельзя было принять за правду. Например, заявил, что его не взяли в плен, а что он сам сдался, так как с этой целью его направил Гитлер на фронт. Гитлер, дескать, сам был ефрейтором во время Первой мировой войны, и поэтому важное государственное дело он поручил тоже ефрейтору. Ну, и все в таком же духе...

Наслушавшись этой ахинеи, я решил взять пленного в штаб армии. А там нас ждал сюрприз: оказывается, пока мы проводили, скажем прямо, весьма сложную акцию, здесь добыли «языка» без особых усилий — «поймали на живца», как пошутил один из причастных к этому командиров.

Той ночью в соседней с нами дивизии на молодого красноармейца, стоявшего на посту около блиндажа, было совершено нападение. По рассказу бойца, перед ним словно из-под земли выросла фигура здорового гитлеровца с автоматом в руках. Часовой от неожиданности обомлел и, услышав «Хендехох!», поднял руки, выронив винтовку.

Видимо решив, что безоружный противник — добыча верная, фашист жестом указал, куда нужно идти, и отступил в сторону, пропуская бойца вперед. Но красноармеец уже опомнился. Сделав шаг в указанном ему направлении, он бросился на гитлеровца, повалил его на землю и закричал во весь голос: «Тревога! В ружье!»

Из блиндажа с оружием в руках выскочили отдохнувшие в нем бойцы, окружили двух барахтавшихся людей. Гитлеровец понял, что игра проиграна, отбросил в сторону автомат, которым так и не воспользовался, понимая, конечно, что, открыв стрельбу, он живым отсюда не уйдет, и довольно внятно заявил: «Гитлер капут!»

Так он оказался в плену. Это был сорокапятилетний унтер-офицер, пехотинец, воевавший еще и в Первую мировую. Видно, он боялся за свою дальнейшую судьбу и рассчитывал, что откровенность смягчит его участь, поэтому показания давал охотно. На вопрос, каким образом он проник в наше расположение, пленный ответил, что вечером его вызвал командир роты, приказал взять несколько солдат и любой ценой захватить русского. Унтер-

офицер сказал, что лучше пойдет на задание один, ибо солдаты будут только создавать излишний шум. «Хорошо, приведете пленного — будете фельдфебелем», — пообещал ему командир. В подробностях проникновения гитлеровца в наше расположение предстояло разобраться работникам штаба дивизии, в обороне которой оказалось какое-то «окно». Я же, завершив допрос, собрал все материалы и уехал обратно в Новошахтинск.

Вернулся я в штаб фронта, доложил полковнику Белокурову обо всем описанном выше. Выслушав меня, полковник достал из лежавшей на столе папки мое командировочное предписание, проставил в нем даты отъезда и возвращения, сказал, что могу выезжать хоть сейчас, и пожелал счастливого пути.

Пока я получал сухой паек и продовольственный аттестат, Гриша Зильбер связался со штабом 8-й воздушной армии, узнал, что как раз сегодня из Ростова отправляется самолет в Чкалов, договорился, что меня до Ростова подбросят на У-2. Вот эта дружеская помощь и дала мне возможность появиться на ростовском аэродроме, когда «мой» не приспособленный для перевозки пассажиров «воздушный грузовик» Р-6 уже выруливал на взлетную полосу. И как благодарен я был пилоту, который, заметив бежавшего наперерез его машине и отчаянно размахивавшего руками человека с вещмешком на плече, притормозил, дождался, пока тот заберется в фюзеляж, и лишь тогда снова порулил на старт. Тем пассажиром был, конечно, я.

В военных мемуарах, наверное, нет необходимости во всех подробностях рассказывать о событиях, подобных моей «спецкомандировке» в тыловой Кувандык, как бы ни были они дороги автору воспоминаний. К тому же из более чем двухнедельной тыловой жизни мне лишь пять суток посчастливилось провести с женой и дочкой. Остальные десять ушли на дорогу. Поэтому коротко остановлюсь лишь на том, что особенно запечатлелось в памяти, как грани, быть может, и не типичного тогда эпизода, но все же эпизода войны.

До места назначения добрался я на перекладных — самолетом и поездом — лишь на третьи сутки. Устаревший Р-6, на котором я вылетел из Ростова-на-Дону в Чкалов, был забит офицерами, командированными в тыл с различными заданиями. Мне досталось узкое место в хвостовой части грузового отсека фюзеляжа с гофрированной дюралевой обшивкой. Пришлось сидеть прямо на полу, согнувшись в три погибели. А если прибавить к этому оглушительный рев моторов, вибрацию обшивки, изнуряющую болтанку, то трудно даже представить, что я не утратил при этом хорошего настроения. Когда почувствовал, что меня укачивает, стал петь вполголоса, чтобы не привлекать внимания попутчиков. Пел вплоть до посадки в Сталинграде. Этот отвлекающий прием, случайно пришедший в голову, помогал мне и потом. А тогда, выйдя из машины после посадки в Сталинграде, я выглядел куда бодрее, чем мои соседи по отсеку, в том числе и боевые пилоты.

К исходу следующего дня, сделав посадку в промежуточном аэропорту в Уральске, мы благополучно приземлились в Чкалове, а из него, скоротав ночь в донельза изношенном, отапливавшемся только дыханием пассажиров вагона поезда, доехал до небольшого городка Кувандык, где в поселке «Лесосплава» и разыскал свою семью.

Не останавливаясь на тех пулях пролетевших пяти днях, ибо ничего не смогу сказать такого, о чем не имел

бы представления читатель, если и не по личному опыту желанных встреч после долгих разлук, то из книг, кинофильмов, спектаклей. Достаточно сказать, что, когда шел по улице Кувандыка с вещмешком за плечами, за мной бежала целая ватага ребятишек: первый фронтовик, с орденами на гимнастерке, приехавший в этот поселок, казался им настоящим чудом.

Но время-то не остановишь. И вот уже 15 апреля снова шло жене открытку: «Пока все идет хорошо. Сегодня рано утром приехал в Чкалов со всеми возможными удобствами. Правда, самолет придется менять, так как мой улетел еще 13 апреля. Но, к счастью, здесь оказался еще один попутный, и, если ничто не задержит, вылетим завтра утром».

Да, тот самый Р-6, на котором я добрался до Чкалова, улетел гораздо раньше, чем планировал экипаж. А мне предоставили возможность следовать дальше на новеньком двухмоторном комфортабельном самолете Як-6, прозванном авиаторами «дугласенком» и предназначенном, как мне сказали, для командующего фронтом.

16 апреля самолет поднялся в воздух и взял курс на Саратов. Полет с давно не испытанными удобствами доставил большое удовольствие. А вот в Саратове из-за ненастья засели накрепко. Шел день за днем, время тянулось теперь невыносимо медленно. Срок командировки истек, а метеослужба все держала нас на приколе. И только 21 апреля нам разрешили следовать дальше. При полете на восток мне из металлической коробки грузового самолета ничего не было видно. Теперь же на всем маршруте я не отрывал взгляда от земли, любовался родной природой, по-новому воспринимал ее красоту с высоты птичьего полета.

Долетели до Сталинграда, и пилоты перед заходом на посадку сделали круг над городом. В то время я мог с закрытыми глазами перечислить все места боев в городе и его окрестностях. И вот они оказались видны с воздуха как на ладони: заводы, Мамаев курган, питомник и многое другое. То, что я увидел, потрясло до глубины души: под крылом медленно вращалась панорама, казалось, убитого огромного города. Такой страшной по размаху картины разрушения не увидишь с земли, где горизонт закрывают стены расположенных рядом домов. Развалины, отдельные коробки зданий и устремленные в небо, какobelisks, почти полностью сохранившиеся заводские и фабричные трубы, особенно рельефно выделявшиеся на фоне руин. Казалось, что эти трубы кричат: «Стойте, смотрите, что сделали фашистские громилы! Отомстите! Такое безнаказанным остаться не может!»

Когда самолет по пологой спирали спустился ниже, я, пристально глядевшись, вдруг увидел, что город не убит, что он только тяжело ранен и уже живет — повсюду виднелись фигурки людей, возрождавших легендарный Сталинград. По некоторым расчищенным от завалов улицам уже бежали автомашины, сновали пешеходы. Да, можно превратить в прах камни и бетон, но нельзя убить, нельзя согнуть великий советский народ, сломить его волю к победе, к ставшему для него главной целью жизни созданию. Восстанут из пепла разрушенные города, еще краше, чем раньше, будет героический Сталинград!

Поскольку в Сталинграде пилоты «дугласенка» задерживались, мне пришлось сделать очередную пересадку в выдавший виды двухместный П-5 и наконец-то на его деревянно-перкалевым борту добраться до Ростова. А там-то уж попутная автомашина и мотоцикл плюс собствен-

ные ноги доставили меня в штаб фронта в Новошахтинск. Последний отрезок пути от города Шахты в Новошахтинск самым причудливым образом едва не оказался для меня роковым. А ведь это, что ни говори, совсем не на передовой.

Торопясь попасть в штаб фронта, я попросил старшего на контрольно-пропускном пункте на выезде из города Шахты посадить меня на любой транспорт, следующий в Новошахтинск. Первым попавшимся оказался мотоцикл с коляской.

— Да, пожалуйста, товарищ майор, — вроде бы обрадовался попутчику водитель. — Мигом доедем, не сомневайтесь, прокачу с ветерком.

Что касается ветерка, то мотоциклист слово сдержал — газовал лихо, несмотря на сгустившуюся темноту и неважную дорогу. А в остальном оказался далеко не мастером своего дела. Пересекая железную дорогу, он не попал на положенные там доски. Коляска ударились днищем о рельс, с хрустом отвалилась от мотоцикла и осталась лежать боком на шпалах. Я с удивлением убедился, что остался цел и невредим. Как ни странно, но мотоциклист удержался в седле.

Загратив с полчаса на освобождение мотоцикла от пореженной подвесной системы и затащив с моей помощью коляску в стоявшую у железнодорожного переезда будку, неунывающий водитель бодро заявил:

— Ничего, товарищ майор, что ни делается — все к лучшему. Без коляски скорее доедем. Садитесь сзади и держитесь за мои плечи.

Поехали. Опять с ветерком. И буквально через несколько минут не вписались в крутой поворот дороги, рухнули в кювет. Теперь мы оба вылетели из седла мотоцикла. Не знаю уж, что спасло водителя, а меня выручил висевший за плечами вещевой мешок с бельем, который смягчил удар головой о кромку кювета. Но поднялся на ноги я уже с трудом — ушиб оказался достаточно чувствительным.

— Товарищ майор, — раздался голос мотоциклиста. — Помогите вытащить машину из кювета. Я ее только проверю, и махнем до места.

Помочь-то я помог, а вот ехать дальше что-то расхотелось. Когда я встал на ноги, перед моими глазами оказался километровый столб с цифрой 21. Это, как я понял, означало: 21 километр до Новошахтинска.

— Мотоцикл можешь проверять сколько хочешь, но поедешь дальше один — я лучше пешочком прогуляюсь. Прямо скажу — боюсь с тобой ехать, на третий раз обязательно уьемся. Так что будь здоров!

Сам удивился, как легко по холодку прошагал я эти два десятка километров, хотя и саднило в боку изрядно после кульбитов с мотоцикла. Одно утешало: дешево отделался!

Вернулся я в штаб Южного фронта с опозданием в несколько дней. Гриша Зильбер успокаивал: «Никто на это даже внимания не обратит». Прогноз Гриши оправдался. Полковник Белокуров, выслушав мой рапорт о возвращении и о причинах опоздания, сказал, что пешком ведь от Кувандыка до Новошахтинска не дойдешь, а попутные самолеты — самый ненадежный вид транспорта, и добавил, что мне надо немедленно приступить к исполнению своих обязанностей.

Отчитался за поездку и засел за работу. Несмотря на перегрузку, выбрал время, чтобы написать жене письмо: «Добрался до места прекрасно, если не считать некото-

рой задержки в пути. Сразу с головой окунулся в дела, которых меньше за время моего отсутствия, увы, не стало. Не обижайся, но оказывается, что соскучиться по делу можно не меньше, чем по дому».

Май сорок третьего мало сохранился в памяти. Приемка разведдонесений, составление разведсводки, передача ее в Москву. И так изо дня в день. Радовали только письма. 17 мая был для меня особенно радостным днем — я получил письмо от Петра Сироткина, у нас с ним снова установилась переписка.

В конце мая меня вызвал к себе полковник Белокуров и сообщил, что по приказу Сталина в разведотделах штабов фронтов создаются новые отделения — авиаразведки. Они будут укомплектованы общевойсковыми командирами. Авиаразведку будут по-прежнему вести воздушные армии, но их разведывательные авиаполки будут находиться в

оперативном подчинении этих новых отделений. Командиры отделений авиаразведки должны будут вести наблюдения с самолетов и оценивать действия противника.

— Согласны стать старшим помощником начальника этого нового отделения? Начальника пришлют из Москвы. Дело добровольное. Когда сможете дать ответ?

— Сейчас, товарищ полковник. Я согласен.

Честно говоря, мне всегда было по душе живое общение с людьми, смена ситуаций, решение каких-то новых вопросов, притом, чем они казались сложнее, тем вызывали больший интерес и стремление довести дело до логического конца. Так что, когда мне предложили новую должность и разъяснили, чем придется заниматься, я не задумываясь дал свое согласие.

Так я связал судьбу с авиацией, но, как оказалось, ненадолго. 🌀

ГЕОТЕХНИКА

Журнал для изыскателей, проектировщиков и строителей

Цель журнала — ознакомление российских специалистов с передовым отечественным и зарубежным опытом в области геотехники

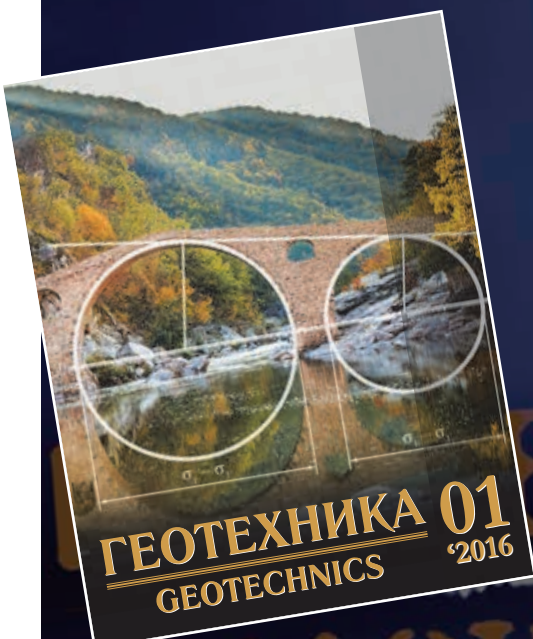
Периодичность в 2017 году:

6 номеров

Стоимость годовой подписки:

3900 рублей

info@geomark.ru

26-29 СЕНТЯБРЯ 2017 ГОДА, МОСКВА

ГЕОРАДАР-2017

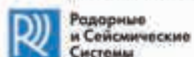
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

На конференции выступят ведущие эксперты по георадарным технологиям. Это и производители георадаров, и сильнейшие методисты, и научные специалисты, занимающиеся теоретическими разработками и физическим моделированием по тематике георадиолокации. В рамках конференции пройдет выставка и полевые наблюдения современного георадарного оборудования с последующей презентацией полученных материалов и презентацией новинок от производителей.

Место проведения конференции:
Москва, Ленинский проспект, 158,
Бизнес-центр гостиницы "Салют" ****

Регистрация на конференцию:
на официальном сайте
<http://georadarconf.ru/reg>

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

СПОНСОРЫ

ПАРТНЕР

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПАРТНЕР

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

